

Ориентир

«Александр ГАЛИЧ. Я выбираю свободу». «Глагол», № 3.

Во всю ширину черно-белой обложки — колючая проволока. Но присмотришься внимательно — и видишь: пять острых зубцов — это пять лучей звезды, одного из сакраментальных символов ушедшего (ушедшего ли?) в небытие режима... Только что вышедший 3-й номер литературно-художественного журнала «Глагол» (точнее, не журнала, а книги — предыдущие были целиком отданы произведениям Э. Лимонова и Д. Хармса) назван «Александр Галич. Я выбираю свободу» (составитель А. Шаталов, оформление Д. Кедрина).

Новая книга резко отличается от всех предыдущих сборников поэта, драматурга и прозаика. В основе ее — выступления Галича по радио «Свобода», интервью и открытые письма, а также стихи и песни, прочитанные и спетые автором в эфире, — песни сопротивления, по точному слову Синявского. А еще в книге — заметки Марии Розановой «Возвращения» и статья Андрея Синявского «Гитара Галича». И в приложении — полный почисловой список всех выступлений Галича за три года на «Свободе», представленный ее сотрудником Юлианом Паничем.

Образ колючей проволоки неотступно присутствует в книге, когда читаешь о людях, чьим уделом стали расстрелы, тюрьмы и психушки, лагеря, ссылки и изгнания за рубеж. Знакомишься с этой мало известной до сих пор частью наследия Галича (далеко не все ведь могло пробиться сквозь радиоглушилки!) — и встает трагический образ Времени, вернее — Безвременья. «У микрофона Галич...» Он обращается непосредственно к нам, он говорит о тех, о ком не скажешь словами Макаревича «герои вчерашних дней», — о Сахарове и Солженицыне, Шукшине и Шпаликове, Викторе Некрасове и Юрии Галанскове, о генерале Петре Григоренко и крестившем поэта отце Александре Мене. И о тех, кто вышел в августе 68-го на Красную площадь, чтобы протестовать против вторжения в Чехословакию. Им, этим молодым людям, посвятил он потом

свой «Петербургский романс» с его чеканными, словно выбитыми на брусчатке строками:

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?!

В радиодневниках и выступлениях поэта порой в нескольких строках ожидают люди почти легендарные — несравненный Александр Вертинский и адресат цветаевской «Попытки революции» Марк Слоним, Максимилиан Волошин и Владислав Ходасевич, патриархи отечественной словесности Корней Чуковский и Валентин Катаев, расстрелянный Перец Маркиш и замордованный недоучкой Ждановым гениальный Дмитрий Шостакович. Он говорит и о тех «братьях-писателях», кто сыграл неблагоприятную роль в его судьбе, — Кочетове, Арк. Васильеве, Арбузове, которые «исключали фронтовиков из Союза и партии», и о генералах от литературы, для кого «свобода печати и таланта» позволяла издавать миллионными тиражами многотомные эпопеи, ныне уже никем не читаемые.

Он рассказывает о вещах трагичных но порой и смешных, вернее, трагикомичных. Например, о том, как его вызвало киноначальство по поводу сценария фильма о Мариусе Петипа, поскольку нехорошо, когда «француз обучает русских, как танцевать». Галич в надежде, что пародийную сцену вырежут, вставил эпизод, где Чайковский обучает танцам великого балетмейстера... Нет, не вырезали, понравилось, сработал синдром приоритета «Россия — родина слонов».

Снова смотрю на обложку с пятикопечной «колючкой» и вспоминаю — из цикла о Климе Петровиче Коломыйцеве, мастере цеха, члене парткома, депутате горсовета, требовавшем и на заводе, и в обкоме, и в Москве звания «цеха коммунистического труда»: «Мы и работаем на весь наш соцлагерь! Мы ж продукцию даем на отличной!» — а ему, с оглядкой на «прессу ихнюю» и на Би-би-си, упорно отказывают: «А так, — говорят, — ну, ты прав, — говорят, — и продукция ваша лучшая! Но все ж, — говорят, — не драп, — говорят, — а проволока колючая!» Александр Галич сдал все, чтобы помочь разорвать эту проволоку. Он вышел на площадь. И выбрал свободу. Не радиостанцию — просто Свободу.

Сейчас еще одна рукопись под названием «...Я вернусь...», включающая две пьесы А. Галича («Матросская тишина» и «Вас вызывает Таймыр»), два киносценария («Верные друзья» и «На семи ветрах») и автобиографическую повесть «Генеральная репетиция», готовится к печати в издательстве «Искусство». Хочется надеяться, что люди, которым безразлично творчество Галича, помогут скорейшему приходу этой книги к читателям.

Владимир ВОЛИН